

мятников, эмблем) были рассчитаны прежде всего на молодежь. «Новый порядок» должен был, по мнению захватчиков, способствовать «счастливому будущему советских детей, воспитанию их полноценными членами новой Европы». На деле все обстояло иначе.

Советские школы не работали. Вместо них фашистами было решено на оккупированной территории открыть начальные четырехклассные школы. По распоряжению военного коменданта дети старше 11 лет исключались из школ и вместе с учителями должны были принимать участие в сельхозработах.

Такой подход к образованию объясняется просто: оккупированные территории рассматривались как аграрно — сырьевой придаток Германии, а их жители — лишь как примитивная рабочая сила. Об этом недвусмысленно говорится в одном из документов третьего рейха: «Для всего остального ненемецкого населения на Востоке не должно быть никаких других школ кроме четырехклассных начальных, а они должны ставить своей целью обучение только счету максимум до 500 и умению расписаться, а также осознанию того, что подчинение немцам, честность и прилежание являются божьей заповедью». Правда, ограничивая образование курян рамками начальной школы, захватчики понимали, что им будут необходимы не только простые работники, но и младшие специалисты, поэтому в начале сорок третьего были организованы в Золотухине сельскохозяйственная специальная школа (с агрономическим уклоном), в Беловском районе — среднее сельхозучилище, в Курске работали ремесленная школа, музыкальное училище, были открыты курсы стенографии, кройки и шитья, курсы по изучению немецкого языка, который должен был стать, по мнению захватчиков, основным, заменив русский. Преподавание его вводилось с первого класса.

Открывая школы, фашисты изымали всю советскую учебную литературу, методические пособия, школьные программы. Многие учебники были сожжены. «Если нет пригодных учебных пособий, — указывалось в распоряжении одной из районных комендатур, то преподавание может вестись без таковых». Школы не были обеспечены топливом, по неделе и больше не проводились занятия из-за того, что в помещениях школ размещались немецкие солдаты, у многих детей не было одежды, обуви. Все это, да и просто нежелание детей учиться, а родителей учить их в таких школах, приводило к тому, что посещаемость повсеместно была очень низкой.

В протоколе совещания сельских старост Обоянского района от 24 октября 1942 года отмечается, что «... обязательное обучение детей в возрасте 8 — 11 лет еще не осуществлено. Организовано не — сколько сельскохозяйственных школ, но набор учащихся проходит плохо». В целях повышения посещаемости широко практиковалась система штрафов. В распоряжении Крамановского волостного управления Михайловского района указано: «Родителей, злостно уклоняющихся своих детей от посещения школы... подвергать денежному штрафу». Но несмотря на это, средняя посещаемость школ составляла 50 процентов. Да и до учебы ли было?

Принуждали трудиться на немецких хозяев. Из документов, хранящихся в Госархиве Курской области, видно, что десяти — одиннадцатилетних детей всюду привлекали к работе. Работали от темна до темна. Все трудоспособное население было взято на учет. «Мужчины и женщины от 14 лет и старше» (так официально в учреждениях оккупационного периода именовались подростки) относились к категории «трудоспособного населения». Это означало, что на них уже не выдавались детские продуктовые карточки, ежедневную пайку хлеба нужно было заработать.

Широко практиковалось привлечение детей и подростков для выполнения различных трудовых повинностей. Мобилизованные посылались на торфоразработки, расчистку дорог и аэродромов, на сенокос и другие сельскохозяйственные работы. За невыполнение трудовой повинности часто применялись телесные наказания и даже смертная казнь. Например, в Иванинском районе на сахарном заводе за самовольный уход с работы немцы подвесили к столбу 16 — летних подростков Геннадия Дичанского и Михаила Рыжкова.

Районные бюро труда в любой момент могли затребовать от старост, являвшихся проводниками всех мероприятий оккупантов в селах, список девушек и женщин в возрасте от 15 до 35 лет для использования их в Германии. Отправляли в Германию также и 15 — 16 — летних юношей. Среди угнанных в немецкую неволю были даже тринадцатилетние.

В двери многих домов стучался голод. Цены на продукты были высокими, все услуги населению — платными, да еще многочисленны были налоги и поборы — все это создавало такую ситуацию, что если в семье работал один человек (как правило, мать), то он не мог прокормить своих детей. Обращаясь с прошением к городскому голове